

УДК 1(092)

DOI: 10.18384/2310-7227-2015-3-102-109

Курабцев В.Л.*Московский государственный областной университет***СМИРЕННОМУДРИЕ: ЗАПАД И РОССИЯ**

Аннотация. В статье анализируются черты онтологического аспекта смиренномудрия. Обращение к идеальному благу христианских ценностей становится продолжением духовных и философских исканий России. Гуманистический характер христианской морали проявляется в признании смиренномудрия, стоящего выше эгоистических интересов индивида и группы. Статья содержит описание природы смиренномудрия. В ней рассматривается идеологическое противостояние душевного и духовного человека, духа разума и духа смирения – как основы русской религиозной философии. Подчеркивается необходимость переосмысления ценностных установок российского человека и России.

Ключевые слова: смиренномудрие, критика смирения, душевный человек, духовный человек, Запад, Россия, Западная цивилизация, Русская цивилизация, дух разума, дух смирения, либерализм, духовные искания России.

V. Kurabtsev*Moscow State Regional University***MEEK-MINDEDNESS: THE WEST AND RUSSIA**

Abstract. The article analyses the ontological features of meek-mindedness. Reference to the ideal good of Christian values becomes essential for Russia's spiritual and philosophical searches. Humanistic character of Christian morality is in recognition of meek-mindedness standing above selfish interests of an individual or a group. The article describes the nature of meek-mindedness and analyses the ideological opposition of a sincere and spiritual persons, the spirit of the mind and the spirit of humbleness as the bases of the Russian religious philosophy. The article also indicates the necessity of rethinking of the conventional values of Russians and Russia.

Key words: meek-mindedness, critique of humbleness, sincere person, spiritual person, the West, Russia, western civilization, Russian civilization, spirit of the mind, spirit of humbleness, liberalism, spiritual searches of Russia.

*Так и нам должно иметь смиренный ум,
впрочем не детский, и быть незлобивыми, но не неразумными.*

Блаженный Феодилант,
архиепископ Болгарский

1. Мир без смиренномудрия?

Мир без смиренномудрия – это мир гордого человека. И в таком мире почти всегда – большинство людей, которых святые отцы понимали в двух основных

© Курабцев В.Л., 2015.

состояниях. Это, во-первых, «плотский человек», который хочет «наслаждаться удовольствиями и радоваться» [3, с. 145], даже если другим причиняется зло. Во-вторых, это «душевный человек», который не хочет ни вредить, ни вреда получать. Но он весь погружён в человеческие помыслы и жизнь и не возвышается над своим природным и социокультурным естеством.

Но такие люди, как правило, – действительно, по-своему гордые, сложные и многозначные натуры, сотканые из антиномий и иррациональностей. «Душевный человек» – это ведь и материнская (отцовская) забота, и земная любовь, и дружба, и подвиг творчества, и подвиг воина, и многое другое.

Возможно, прав А.С. Панарин, написавший, что «гордыня избранничества присуща человеку как образу и подобию Божьему, и она в особенности нужна для поддержания подвигов творчества во всех областях жизни» [8, с. 107]? Она нужна и семье, воспитывающей ребёнка, и студенту, становящемуся специалистом, и учёному, занимающемуся наукой на совесть. И они могут быть именно «душевными людьми», но людьми уникальными, со своей миссией в мире и со своим гордым подвигом. Есть ли что выше этого?

Есть ещё, однако, «духовный человек». Он побеждает законы природы и не мудрствует ни о чём человеческом (1 Кор. 2, 14.15). Он как бы **маргинален** и **парадоксален**: *готов ради добра, ради любви к ближнему пострадать, потерпеть вред и оскорбление. У него приоритетны вера и Бог, а не деньги, удовольствия, покой и прочее; приоритетно нечто более высокое и невидимое, что борется с его же естеством.*

И смиренномудрие, как правило, с теми, кто «выше природы».

Россия, разумеется, причастна и плотскому, и душевному, и духовному. Как полагал Г.В. Флоровский, трагедия русского духа разворачивалась именно в движении «от «психического» к «пневматическому» [9, с. 4], то есть от душевного к духовному (но, разумеется, и обратно). То мы желаем «благ» от «благодетеля» антихриста (описанного В.С. Соловьёвым), то жаждем морально-религиозных истин от «исправителя» Христа. И современная Россия всё в том же движении – противоречивом, трагическом, частичном (о последнем говорит то, что с начала XX в. воцерковлённые всегда были в меньшинстве).

И, кроме того, «отсталая» Россия веками находилась в единстве и борьбе с иным, часто враждебным и опережающим миром – *Западом*. По мнению Н.Я. Данилевского, Европе всё «самобытно русское и славянское кажется<...> достойным презрения, и искоренение его составляет священнейшую обязанность и истинную задачу цивилизации» [5, с. 67]. Не забудем, что эта мысль актуализирована в 1868 г. (после Крымской войны) и не лишена проблематичности. Однако, очевидно также, что России и Европе (шире – Западу) присуще не только историческое единство, но и устойчивое противостояние, даже военное. И Запад, начиная с эпохи Ренессанса, будучи гегемоном цивилизационного развития, «продвигался» ускоренными темпами, но при этом в обратную сторону от Бога. И всё больше, за исключением некоторых периодов, расходилась с Россией.

Великая Западная цивилизация вырастала из корней «иудеохристиан-

ской духовности, греческого логоса и римского правового порядка» [8, с. 10]. Что же у неё сейчас? Духовность (Иерусалим) в значительной мере утрачена (в меньшей мере – в католических странах); Афины (греческий логос) и Рим (право, организация) крепнут, но в формализованно-поверхностном виде, с утратой метафизических глубин.

Произошла **подмена ценностей**: вместо смиренномудрия в жизни, идеологии и политике – наступательная, с двойной моралью, языческая жизнь и геополитика. Вместо христианской этики – безудержная гедонистическо-потребительская этика, а также этика «разумного эгоизма и морали успеха» [8, с. 21]. «Душевный» человек такого рода, или «посттрадиционный человек» (согласно А.С. Панарину), – главная фигура этого общества, его ценностей и развития. Однако он же значим и в России.

Индивидуалистическая свобода «красивого человека» подавила христианские ценности с их сакральными запретами и ограничениями. Однополые браки с усыновлениями детей, легализация проституции и сексуального всеобуча, хаос мировоззренческого выбора и др. стали реальностью западного общества. Либеральный Запад действительно духовно-нравственно «гниёт».

Но в отношении высокой материальной культуры, инноваций, технологий, уровня и комфорта жизни, бытовой культуры и др. Запад стабильно лидирует в мире, «раздуваясь» от успехов и «империалистических» амбиций. Запад – это в заметной мере наиболее трудолюбивая и удачливая часть человечества, которая, однако,

к своему несчастью, забыла о таинственном христианском Иерусалиме – *смиренномудрии*. Её судьба напоминает трагическую судьбу атлантов и Атлантиды, описанную Платоном. И в этих стратегических планах разрушения «слишком большой и опасной» России – сделать из ценностей традиционно православной России бесхребетный «ценностный конгломерат» (А.С. Панарин), а также политико-территориальный и этнический конгломерат, чтобы править миром (ведь *Россия больше Римской империи, а следовательно, нежизнеспособна* – подобные деконструкции уже звучат в российской философской среде).

Миропослушность Запада была и остаётся под вопросом. Хайдеггер отметил: «Присутствие именно *миропослушно*» [10, с. 441]. Иными словами, бытийственное «здесь-бытие» (*Das-ein*) считается с другими людьми, народами, религиями, культурами, их не нигилирует; считается с природой, с космосом, с обществом, с глубокими традициями, с разными государствами. Но *Drang und Schturm* Запада только наступает и всё переделывает, в духе новоевропейского субъекта. Наступает со своими, несомненно, двойными стандартами – на Россию и на весь мир. И слова пророка (о жизни по Богу) – «*Обратитесь – и живите!*», «*и зачем вам умирать, дом Израилев?*» (Иез. 18, 31–32) – едва ли услышит.

Западные либерализм, сциентизм и экономикоцентризм во многом предполагают наступление на *природу* (не природа, а скорее, комфортная искусственно-естественная среда), на *традиции* (не «устаревшие» религии и приоритеты, а либеральные ценности), на *человека* (не природный

«слабый» человек, а «усовершенствованное» существо XXI в.). Ценности христианства остаются в стороне как атавизм, как преодоленное «мрачное» средневековье.

Истоки всего этого, по мнению Панарина, – **западное рассудочное Просвещение с его либерализмом и гуманизмом**. И Панарин прав: как СССР разделил судьбу идеи коммунизма, так и Запад (особенно, США) разделит судьбу одномерного либерализма. А критика этой судьбы почти не замечается; например, критика науки и образования православным американцем Серафимом Роузом: «Академический мир – и это не легковесные слова, мне их весьма непросто произнести – стал сегодня в значительной мере источником разложения и развращения. Потому что читать труды и слушать лекции людей, не верящих в истину, губительно, однако ещё более губительно, когда **истина подменяется образованием и наукой** (выделено нами. – В. К.), которые, превращаясь в самоцель, становятся не более как пародиями на истину, которой они должны были бы служить, представляют собой фасад, за которым пустота» [7, с. 62].

Речь, конечно, в большей мере о гуманитарных науках и преподавании, а не о естественных и технических. Современный образованный человек может совершенно не знать своей извечной религии и народной духовности, и так же жить и воспитывать своих детей. Как написал апостол, они «осустились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце: называя себя мудрыми, обезумели» (Рим. 1, 21–22).

Они искренне полагают, что «западный экономический человек – это

естественный человек», который, если «убрать искусственные преграды», «выпрыгнет на сцену», причём в любой «точке мира» [8, с. 17]. Конечно, частично это действительно так – в силу индивидуализма и частнособственнической психологии. Но у каких-то народов она ослаблена по разным причинам (славяне, особенно восточные; латиноамериканцы, исламские народы и др.), у каких-то она противоречит традиции и ментальности (африканцы и др.). А у многих западных народов это решающий путь и судьба, которые редуцируются на весь мир. И христианское смиренномудрие здесь едва ли не помеха. «Речь идёт, не больше не меньше, о тотальном обесценивании и обесмысливании всех известных человеческих **мотиваций** (выделено нами. – В. К.), кроме экономической» [8, с. 22]. Жить здесь и сейчас и ни во что высшее не верить. Какая радость князю мира!

Россия тоже причастна западной цивилизации, причастна её удачам и провалам. Имеет и свои специфические недостатки. Но Россия чрезвычайно сильна *духовно-нравственными ценностями*, такими, как патриотизм, православие (и другие светлые конфессии), жертвенность, военная стойкость, смиренномудрие. Что же это – «смиренномудрие»? Это **дружелюбие, человеколюбие, великодушие, долготерпение, служение Богу**. Это светлая кротость, по заповедям Божьим. Такова инвариантная мудрость традиционного русского человека и народа. И святые отцы неслучайно настойчиво писали об этом и стремились к этому.

Но ведь в реальной жизни необходимо не одно только смирение, но и страсть творчества, страсть любви,

обычная доброта, защита своего достоинства и чести, отпор насилию всякого рода, историческое творчество и многое другое.

2. Критика феномена смирения

Н.А. Бердяев в некоторых работах жёстко критиковал ценность смирения, утверждая: «Смирение определялось как *сознание своей дрянности и ничтожества* (выделено нами. – В.К.), вместо того чтобы определить его как победу над эгоцентризмом и его фантазмами» [1, с. 406].

На самом деле, заметим, эта победа (над самолюбием, особенно крайним) первостепенна для христианина. Но необходимо и обуздание гордости людей «душевных», но не знающих Бога. Гордость, в понимании христианства, – грех, так как человеку всё дано от Бога. Поэтому смирение, самоуничтожение – это спасительное поведение любого человека, страдающего, незаметно для самого себя, *невежеством* (в вопросах трансцендентного) и *гордостью* (то есть незнанием меры своего достоинства по мерке Бога и гордого, мерзкого перед Богом достоинства).

В то же время Бердяев пишет о борьбе против греха как превращённой в *борьбу против «человеческого»*. «Это и есть то, против чего справедливо восстал гуманизм» [1, с. 405].

На самом деле этой борьбой «человеческое» просто приводится в допустимые для Бога границы. А кто переходит самовольно эти границы (по неведению или дерзостно), тот идёт против Бога и бывает наказан. Гуманизм, скорее, как полагал и С. Роуз, многого не понимает и многое упрощает: не понимает «значения смерти», потусторонних воздаяний, принижает

или отрицает Бога, бездумно расширяет границы дозволенного.

Но Бердяеву очень хотелось «защитить» свободного человека и его светскую жизнь: «Сознание греха направили против сознания достоинства человека, человека хотели принизить» [1, с. 406]. Направили *против женщин, любви, секса, против личного имущества, против друзей и родных* и т.д.

На самом деле, Бердяев защищает жизнь и суть только *душевного* человека. Да и защищает ли? Надо ли защищать разгульного и алчного человека? Человека, потонувшего в суете мелких дел и встреч? И что ожидает этих «душевных» после неприниженной, с «достоинством», земной жизни? Где мысль о *высшем достоинстве человека*, его достоинстве перед Богом? А безбожное достоинство человека суетно, цена его не слишком высока, глenna.

А.С. Панарин тоже согласился с Бердяевым:

1. Современного человека он называет «*посттрадиционным*» (и таких, пожалуй, действительно большинство – людей, оторвавшихся от традиции) и говорит о парадигме его жизни – свобода, «самореализация и личная инициатива». Такой человек «отвергнет христианство и устремится навстречу антихристу, соблазняющему идеей творческой свободы» [8, с. 104]. Речь у Панарина, по сути, всё о том же – о вечной борьбе Бога с дьяволом за души людей. И каждый человек волен предпочесть или свою всестороннюю эмансипацию (без христианства), или «трудности» смирения и послушания (Богу, семье, Родине, высшим ценностям). И воздаяние каждый получит своё: или суетные земные успехи с нераскаянными грехами, или благодать

на земле и в ином мире. **Великий выбор предлежит каждому.**

2. Панарин справедливо объясняет одну из главных причин гибели социализма: «Он стал восприниматься людьми как антипод свободы, как роковое препятствие на пути к ней» [8, с. 105]. И существует точка зрения, что христианство тоже несёт несвободу («только смирение и послушание»). Это, по мнению Панарина, «трагично и крайне опасно для христианства» [8, с. 104]. Возразим: социализм, во многом, – это тоталитарная ответственность организации общества с утопическими целями, а христианство – Благая Весть Самого Бога-Спасителя, требования Божьи по обузданию нехорошей свободы человека. Конечно, это многим «посттрадиционным» людям непонятно и не нравится. У них нет веры в Бога (смертный грех), нет поиска духовности и высшей истины, а есть зримое «хорошее» и не направляющее. Но ещё есть, хотя этого люди или не хотят, Божий суд, и христианству никак нельзя подлаживаться под этих несчастных. Христианам тогда необходимо остаться в меньшинстве (но с Истиной), о чём мыслил и Ф.М. Достоевский.

Н.А. Бердяев продолжает спорить с христианством: «*Не со смиренным послушанием* должен обратиться человек к миру, *а с творческой активностью* (выделено нами. – В.К.)» [2, с. 388].

Но почему бы не вспомнить, как доказывает уже А.С. Панарин, что творческая активность также присуща христианству. Разве не христианское миссионерское меньшинство «демонстрировало фанатическую непреклонность в годы крещения Киевской Руси» [8, с. 59]? И это было благом. Разве не

Петр Великий и его окружение «проявляли пассионарную энергетику неуклонного реформаторства» [8, с. 59]? И это тоже скорее благо. «С одной святостью Серафима без гения Пушкина не достигается творческая цель мира» (Н.А. Бердяев). И путь св. Серафима не отрицает пути Пушкина.

На самом деле, творческая активность человека, светское культурное и историческое творчество вовсе не отрицаются христианством. Вспомним притчу о господине и его рабах, получивших таланты, которую можно рассматривать не только под углом наращивания рабами доброты и смирения, но и как наращивание личных дарований Божьих.

«Гордыня избранничества» (семейного, военного, научного и другого), «подвиг» творчества, государственной и семейной заботы – может не противоречить христианским ценностям. Мощная творческая энергетика необразованных апостолов – христианская. Избранничество Поэта, Конструктора, Воина, Полководца, – вполне может не противоречить христианству.

3. Мир со смиренномудрием?

Есть ли этот мир смиренномудрия где-то, кроме мира монахов и истинно верующих людей? Возможен ли он в жизни современного обычного человека? И что означает предпочтение его ценностей?

Ответы на эти вопросы надо начинать с *первого выбора*: полагать ли высшее достоинство человека, исходя из того, что он – лучшее и любимое творение Бога или связывать его по существу с эволюцией приматов? Если предпочесть первое, то человек – это «церковь, и дом Божий» [4, с. 153], но-

сящий в себе образ и подобие Божие. И он, согласно св. Антонию Великому, таков: «Человек по уму соприкасается с неизреченною Божественною силою, а по телу имеет сродство с животными» [6, т. 1 с. 71]. **Иными словами, православию рассматривает человека прежде всего как духовное и богоподобное существо, а не как человека-животное.**

Второй выбор – это снова выбор или земного, или небесного: будет ли человек (или общество) прежде всего «сыном века», или «сыном света»? Первые – это «душевные люди», «придумывают всё, что на земле полезно для них» [3, с. 165], в духе времени, века. А вторые, по преимуществу, «духовные люди», – «из любви к Богу» лелеют в себе и несут другим любовь, истину и духовное богатство.

Запад ближе к «сынам века», а Россия – к «сынам света». У России был, есть и будет свой духовный «*мессианистский архетип*, унаследованный<...> от своей материнской цивилизации – Византии» [8, с. 187].

«Сыны века» выбирают в лучшем случае **морализм**, а «сыны света», явно или латентно, – **духовность**. Причём, как объясняет слова св. Серафима Саровского о «стяжании» Духа Святого Г. Флоровский, важно не только получать Дух как дар Божий, а в подвиге стяжать Его. «Требуется подвиг, стяжание» [9, с. 392]. А это стяжание немислимо без приобретения смиренномудрия. Все же другие цели христианина – «только средство». Можно сказать, что от человека, по большому счёту, требуются *три воли* – к жизни, творчеству и святости (в том числе смиренномудрию).

Как стяжать Дух Святой, учил Сам Иисус Христос, в пустыне трижды не покорившийся дьяволу. Во-первых, *не*

жить только «хлебами», материальными заботами. Во-вторых, будучи верующим, не искушать Бога, *не рисковать попусту, неумно (рассчитывая на Божью помощь)*. Св. Феодор, епископ Едесский, выразился так: «Всё возложив на Бога, и самим не спасть» [6, т. 6 с. 363]. В-третьих, *не иметь жажды власти, «любостяжания»* – не продавать душу дьяволу за «власть» над земными царствами.

Христос *не вызвал огонь с небес* на самарян, не пустивших Его в селение; *умыл ноги* Своим ученикам; *допустил к Себе Иуду* с вражеским поцелуем, только укорив его. И, наконец, Христос *отдал Себя* на поругание, на пытки и позорное распятие – ради спасения грешного человечества. Жертвенные тельцы и овны уже не спасли бы грешников – потребовалась кровь и смерть Агнца Божьего. Такова ***сверхприродная природа смиренномудрия***.

Для России это, пожалуй, означает, что только материальные успехи в духе Запада нас погубят как великую духовную цивилизацию. Не станем Западом, а Русскую цивилизацию потеряем. Только деятельность «социальных людей» (людей семьи, работы, отдыха), только деятельность «культурных людей» (людей творчества, серьёзных культурных запросов, умственной деятельности) – это ещё не вся деятельность России.

Но и только духовная надежда на Бога, без разумности и активной светской деятельности, нас обязательно приведёт к заслуженному поражению. Христос даже по поводу Своей Матери говорит: «Если она не будет исполнять воли Божией, то ей нисколько не принесёт пользы то, что она родила Меня» [4, с. 124].

Этот *парадоксальный подвиг* (стяжания Духа) в жизнедеятельности человека многолик, и он означает борьбу с самим собой, с демонами и внешними силами. Как советуют религиозные философы и святые отцы, следует «**любить друг друга даром**; а если брат оскорбит тебя, ты не помни этого» [4, с. 476]. И жить без зла.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердяев Н.А. Дух и реальность // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.
2. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
3. Благовестник, или Толкование Блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского, на Святое Евангелие в 2-х частях. Часть 1. Евангелие от Луки. Часть 2. Ев. от Иоанна. М.: Скит, 1991. 563 с.
4. Благовестник, или Толкование Блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского, на Святое Евангелие в 2-х частях. Часть 1. Евангелие от Матфея. М.: Скит, 1993. 384 с.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2008. 704 с.
6. Добротолюбие: Сборник духовных писаний Великих Старцев. Издание в 12 т. М.: Русский Духовный Центр, 1993. Т. 1 (336 с.); т. 6 (240 с.).
7. Иеромонах Серафим (Роуз). Человек против Бога. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. 256 с.
8. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во МГУ, 1999. 288 с.
9. Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. 3-е изд. Paris: YMCA-PRESS, 1983. 600 с.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Admarginem, 1997. 452 с.